

Майкл ХОЛЛАНД / Michael B. HOLLAND

| Оскорбление мысли / Wound to thought |

Майкл ХОЛЛАНД / Michael B. HOLLAND

*Университет Оксфорда, Великобритания.
Преподаватель факультета средневековых и современных языков
Магистр искусств, Доктор философии*

*University of Oxford, UK.
Faculty of Medieval and Modern Languages
M.A., D.Phil.*

ОСКОРБЛЕНИЕ МЫСЛИ

Когда Морис Бланшо в статье «Ницше, сегодня» затрагивает вопрос политической ответственности философа, он обнажает собственную рану, зудящую на протяжении десятилетий. Раны, нанесённые нашей плоти, через какое-то время, согласно физическим законам исчезают, возможно, оставив след, тогда как раны, нанесённые нашей душе, или в данном случае, мысли никак не заживают. Может быть потому что здесь затронуто самое существенное? Если порез может вызвать усмешку, то борьба за внутренние органы это дело куда более серьёзное. Такова и судьба политической ангажированности Бланшо (официально не виновного, но виновного перед собой?), который видит перед собой Хайдеггера (официального виновного, но не виновного пред собой?), размышляющего о наследии Ницше (вовсе не виновного настолько, что можно потерять разум). Эти круги или, скорее, спирали, выводящие нас на интересные психолого-философские размышления, мы можем выстроить благодаря ранней, но весьма примечательной, работе известного специалиста по Бланшо Майкла Холланда.

Ключевые слова: Философия Хайдеггера, философия Ницше, Морис Бланшо, политика и философия, насилие.

WOUND TO THOUGHT

When Maurice Blanchot in his article “Nietzsche, today” hints of the philosopher’s political responsibility, he opens up his own wound that has been tingling for decades. Wounds to our bodies heal according to physical laws, sometimes, they leave scars, but who can estimate scars to our souls or to our minds? It is impossible, because it is not the domain we can see, we can touch, can verify. We may smile at the little cut but when the inward parts of our body are in danger, it is another thing. That is the destiny of the political involvement of Blanchot (officially is not guilty, is he guilty for himself?), who looks at the Heidegger (officially is guilty but not for himself?), who is thinking about Nietzsche (not guilty insofar as it is possible to lose one’s mind). Such circles, or rather spirals, can lead us to the interesting psychological-philosophical conclusions that are emerging thanks to the early but remarkable work by famous Blanchotian researcher Michael Holland.

Key words: Heidegger’s philosophy, Nietzsche’s philosophy, Maurice Blanchot, politics and philosophy, violence.

140

Майкл ХОЛЛАНД / Michael B. HOLLAND

| Оскорбление мысли / Wound to thought |

В начале 1980-х, задолго до раздувания «Дела Хайдеггера», Морис Бланшо торжественно осудил нацистское прошлое Хайдеггера в статье, посвященной своему другу Эммануэлю Левинасу: «Нацизм Хайдеггера – это оскорбление мысли, которое глубоко затрагивает каждого из нас».

Читатели, увидев это, могут вспомнить о наболевшем, о политических работах самого Бланшо 1930-х, а именно об их агрессивности. Не просто их вербальную или даже реальную агрессию, которую этот язык иногда пробуждает, но формулировку теории агрессивности, рассматриваемую как средство перевода мысли (политического мышления) за пределы языка в область непосредственного действия. «Революционное» письмо Бланшо достигло апогея в 1937 году, как и язык насилия, логически подготавливающий себя излиться в агрессивное действие. Даже сегодня читатель этих ранних работ может испытать отвращение от того, что в конечном итоге воспринимается как оскорбление мысли.

Итак, вполне возможно, что вопрос, поставленный в 1981 году Филиппом Лаку-Лабартом, а именно «что в мышлении Хайдеггера сделало возможным – или, скорее, *не предотвратило* – его политической ангажированности?», может относиться и к Бланшо. Однако, на самом деле, есть обратный вариант: что-то *помешало* этому вовлечению в решающий момент. С 1937 года, на что указывает название его первой литературно-критической работы «От революции к литературе», Бланшо отходит от политики насилия и перемещает фокус внимания в другую область, туда, где есть нечто, превышающее мысль, в литературу.

Тем не менее, если предположить, что литература изменила направление мысли Бланшо, отводя от грани, к которой с 1940 года невозможно будет подступить, то мгновенно возникает вопрос: как это возможно? Обеспечивая отход от политики, литература, определенно, просто оставляет политическое в неизвестности. Ответ в том, что это *становится* возможным, но только через длительный промежуток времени. С 1940 года литература

стала для Бланшо убежищем: режимом невовлеченности в политику, продолжавшимся около 20 лет. Первоначально, будучи основой отношения к Окупации и ответом на неё, что естественно почетно, этот отход оставил политическую *точку зрения* Бланшо незатронутой. Можно сказать, что политически он остался в состоянии трагической одержимости катастрофическим моментом в истории (падение Франции), от которого он бежал, его предвкушая, *как-будто* это уже произошло. «Смертный приговор», написанный в 1948 году, подтверждает эту установку, но также показывает, что «литература» не является безопасным убежищем для этого трагического субъекта, но скорее сценой его гибели. Затем, уход из политики превратился в возвращение к ней в два этапа. В 1958 году, оставляя прошлое, Бланшо явился из своего уединения и присоединился к движению против войны в Алжире и возвращения де Голля к власти. Десять лет спустя, в мае 1968, он был вовлечен в 141 студенческое восстание против голлистского государства. В течении этих десяти лет в *рассказах* [récits], являющихся продолжением «Смертного приговора», и в его критических работах *предлог*, предоставленный литературой для его ухода из политики, постепенно ставится под вопрос и разоружается. Этот процесс достиг кульминации в 1969 году с публикацией «Бесконечной беседы», где во вступительной части слова о том, что «письмо – это величайшее насилие», «распространяющееся посредством прихода коммунизма», сигнализируют, что отношение писателя Бланшо к политике замкнуло круг. Отныне *нет* большего насилия, чем письмо: то, что заполняет до краев мысль, будь это «действие» или «литература», остается приковано к языку в качестве письма. В следующем году Бланшо впервые напрямую упомянет Холокост. Возвращаясь назад, десять лет работы, предшествующих «Бесконечной беседе», могут рассматриваться как последовательное, а иногда и сложное противостояние с болью [wound], возникшей в самой мысли Бланшо, в результате его политической ангажированности 1930-х гг., – о чем он упоминает

Майкл ХОЛЛАНД / Michael B. HOLLAND

| Оскорбление мысли / Wound to thought |

в 1984, как о «наиболее уязвимой области моей памяти» – и появившейся вновь с его возвращением к политике в 1958. Очевидно, то, что он в этот период написал, отражает напряженность и конфликты, разворачивающиеся с течением времени. Центральное место здесь занимает имя Хайдеггера. В 1937, ассоциируемый с «отстоями немецкой философии», затем в 1938, провозглашенный как наиболее значительный современный мыслитель, Хайдеггер всплывает вновь, во всей его двойственности для Бланшо, в статье 1958 года «Ницше, сегодня», которая является первой частью шестой главы второго раздела «Бесконечной беседы» (глава называется «Размышления о нигилизме»). Исследуя роль Хайдеггера в этой статье, можно распознать симптомы вернувшейся болезни и отследить, как Бланшо преодолевает её посредством письма.

Между 1958 годом, когда она появилась отдельно в виде статьи, и 1968, когда она попала в «Бесконечную беседу», основная канва «Ницше, сегодня» развивается вполне очевидным образом. Её тезис прост и остаётся прежним: идеи Ницше о воли к власти и сверхчеловеке несводимы к тому, как их идеологически интерпретировали нацисты, так как Ницше – это сущностно противоречивый мыслитель. Однако, за период между этими двумя датами, способ, каким философия Хайдеггера преподносится, изменился фундаментально: сперва она использовалась для защиты Ницше от идеологии нацизма, затем она потеряла своё доверие за защиту этой идеологии. В то же время, Бланшо впервые за свою послевоенную карьеру обращается к довоенному периоду, когда он сам был вовлечён в крайнюю националистическую идеологию. Вот так история написания этой главы «Бесконечной беседы» становится сценой конфронтации между Бланшо и его собственной историей как писателя.

Впрочем, эта конфронтация и смутна, и гипотетична. Внешне «Ницше, сегодня» выступает как ответ на публикацию в 1956 году Карлом Шлехтой работ Ницше. Однако, сперва эта статья

отсылает к 1930-м годам: к 1934, когда Карл Шлехта получил доступ к архиву Ницше и к 1935 – году смерти Элизабет Фёрстер-Ницше. Отметим, что отсылает не к 1933 году, по крайней мере не сейчас, не в этом 1958. Проникая столь глубоко, Бланшо ставит целью распознать и локализовать источник знания, который сегодня позволяет нам сказать: «следовательно, «Воля к власти» не является книгой Ницше» (стр. 137) – знание, которое, видимо, пришло от Шлехты. Одновременно он указывает, что осознание этого факта не смогло предотвратить следующее: «Ницше оказался во власти лжи, лжи намеренной, решительной, иногда утонченной, сводившей свободную мысль к антисемитизму и грубой фальсификации мифологии, якобы возникающей из псевдо-религиозных амбиций» (стр. 136).

Заслуживает внимания тот факт, что здесь антисемитизм – не что иное как тип исторически прослеживаемой фальсификации, направленной против мысли Ницше: к нему взывают не за *его* историю или к тому, чем стала история благодаря ему. На самом деле, несмотря на внешние признаки, позиция Бланшо здесь изначально не исторична вовсе. Верно, что в начале главы ставится вроде бы историчный вопрос «что нам сегодня делать с Ницше?»: «он имеет отношение к истории и к её маленьким частностям» (стр. 136). Но история, как оказывается, – это история «старой львицы», «роковой сестры Ницше» (стр. 137) и история использования ею работ брата для демонстрации имени Ницше. Другими словами, история – ничто иное как «маленькие частности истории». И это банальное соитие подтверждается, когда Бланшо продолжает: «Эта фальсификация, роковая, но при этом, всё чрезмерно упрощающая и поверхностная, как любая политическая фальсификация (Гитлер не понимал ни одной идеи Ницше, что его мало беспокоило), могла бы вызвать разве что незначительный интерес, если бы она не явилась следствием фальсификации более серьезной, затрагивающей саму работу Ницше, и формировавшейся в течение

142

Майкл ХОЛЛАНД / Michael B. HOLLAND

| Оскорбление мысли / Wound to thought |

более тридцати лет» (стр. 137). И далее: «В 1895 года госпожа Фёрстер-Ницше...».

Здесь можно увидеть двойной сдвиг в контексте исторического понимания ситуации. Во-первых, момент, когда мысль Ницше стала наиболее весома *политически* (приход к власти нацизма и антисемитизма) – это момент, значение которого располагается в основном в истории *мысли*. Таким образом, речь идёт всего-навсего об исторической фазе, начинающейся с конца девятнадцатого века, когда нацизм бесшумно появился на сцене, а антисемитизм ещё не обрёл своё крайнее политическое значение. Во-вторых, с точки зрения Бланшо, *политическая* история этого длительного периода полностью скрыта за фамильной историей Ницше. И, как бы подчеркнув этот упадок истории до «маленьких частных историй», Бланшо заканчивает раздел длинной ссылкой, приводящей ещё больше доказательств анекдотичных злодеяний Элизабет Фёрстер-Ницше, которые, как он говорит, менее серьёзны по сравнению с актом насилия, с помощью которого она придумала «великую подделку», но более омерзительны. Короче говоря, очевидно, что для него этот вопрос – Ницше «сегодня» – это вопрос не исторический, а философский или, скорее, исторический лишь в той степени, насколько философский.

Установив таким образом историческую перспективу, в которой Ницше будет «сегодня» обсуждаться, дальше Бланшо рассматривает: есть ли что-нибудь в философии Ницше такого, что способствовало бы фальсификации. На самом деле он задаётся тем же вопросом, которым будет задаваться Лаку-Лабарт относительно Хайдеггера: «Что такого было в мысли Ницше, что не предотвратило...». Другими словами, он поднимает вопрос об ответственности и именно в этой ситуации в 1958 году обращается к Хайдеггеру: «Откуда этот тип мошенничества, позволяющий – не без искренних намерений – рассматривать компиляцию издателей как главную работу автора? [как Хайдеггер зовет это до сих пор *Hauptwerk*]».

Он допускает, что это мошенничество может быть отнесено к пристрастиям сестры и беспринципности издателя. Говоря исторически, именно они ответственны за появление того, что обеспечило нацизм философским базисом для создания их расистской политики. Однако, здесь имеются и смягчающие обстоятельства: «иногда даже Ницше уступал всеобщим предрассудкам... казалось, соблазнялся... идеей выражения своих мыслей при помощи более традиционного языка и в более систематичной форме. По крайней мере, он об этом говорил. И он был пойман на слове. Это его доля ответственности».

Другими словами, Ницше не был автором книги, но она «всё-таки допускается им». Словом, здесь имеется и политическая ответственность и философская. Философская (Ницше) предваряет политическую (их) и, соответственно, исторически кажется, что первая в какой-то степени санкционирует последнюю. Однако, на самом деле, в рассуждениях Бланшо история вновь была сведена к «маленьким историческим частностям»: историческая ответственность, которая всегда в конечном итоге является политическим вопросом, была смещена не только назад во времени, но изъята из политической истории и перемещена в область философии. 143

Но, возвращаясь к Хайдеггеру, его появление в этой точке рассуждений Бланшо в 1958 году довольно любопытно. Потому что в ссылке к словам «как Хайдеггер зовет это до сих пор *Hauptwerk*» Бланшо пишет, что в 1953 году, когда Хайдеггер на самом деле использовал термин *das Hauptwerk*, работая над «Волей к Власти», он всё же «осторожен, указывая, что эта книга является лишь компиляцией посмертных записей, которым было присвоено название «Воля к Власти»». Зачем тогда прибегать к тому, что есть не более, чем мелкое замечание [quibble]? Зачем, здесь Бланшо ловить на слове Хайдеггера? Вопрос тем более настоятельный при условии, что Бланшо выстраивает историческую перспективу «Ницше, сегодня», скорее, как философскую, чем политическую, и он прибегает к Хайдеггеру, как к Хайдеггеру «сего-

Майкл ХОЛЛАНД / Michael B. HOLLAND

| Оскорбление мысли / Wound to thought |

дня», чтобы защитить Ницше от философской фальсификации (то есть, против Ясперса) и от политической фальсификации (против Лукача). Против Ясперса он приводит точку зрения Хайдеггера о том, что «сближать Ницше и Кьеркегора, означает не понимать его по существу ... Ницше *никогда* не мыслит экзистенциально, но только метафизически» (р. 141). Скорее, он должен быть отнесен к главной линии философии и читаться с той же строгостью, с какой мы читаем Аристотеля. Против Лукача, для которого противоречия мысли Ницше просто отражают противоречия европейского капитализма, входящего в фазу империализма, Бланшо использует то, что он называет хайдеггерианским подвижным описанием Ницше, где Ницше «один из самых тихих и робких людей», мучительно страдающий от необходимости кричать, посредством, как говорит Бланшо, «записанного крика» его мысли (стр. 143), который в его эпоху осуждён быть или не услышанным, или неверно прочитанным. Иначе, не смотря на то, что Хайдеггер *по-прежнему* называет «этот поддельный главный труд» *Hauptwerk сегодня* и, таким образом, помогает увековечить политическую фальсификацию Ницше, *сегодня* он, кажется, единственный, кто способен защитить истинное философское прочтение Ницше, и, следовательно, обеспечить приоритет философского над политическим.

Уже в 1958 году Бланшо чувствует необходимость возразить [to quibble], разоблачить это «das Hauptwerk». И не единожды, но преследовать его далее по тексту, повторять то, что ранее уже звучало у него относительно этого «поддельного главного труда» – «нет никакого Hauptwerk» (стр. 140). Но каким *faux pas* стало это желание разоблачения к 1969 году, году когда эта статья планировалась войти в «Бесконечную беседу»! Между 1958 и 1969 гг. Хайдеггер публикует «Ницше» (1961) – книгу, состоящую из лекций 30-х гг. И там Бланшо обнаруживает, что Хайдеггер совсем не называет «Волю к Власти» das Hauptwerk, но «das sogenannte Hauptwerk», «так называемый «главный труд»».

И делает это он в лекции от 1939 года. Тогда неизбежно, говоря в 1969 году, что Хайдеггер всё *ещё* называет это произведение Hauptwerk, «сегодня» должно уйти, а вместе с ним уходит и та часть текста, где Бланшо говорит, что несмотря на использование Хайдеггером этого слова, он хотел бы осторожно заметить и т.д... Вместо этого появляется длинная сноска, написанная в 1969, которая начинается так:

«Полагаю, необходимо ещё раз напомнить (Je crois nécessaire de rappeler encore), что намного раньше Шлехты и, как минимум, начиная с 1936 года... Хайдеггер весьма настойчиво и обоснованно затрагивал вопрос об ответственности издателей за публикации текстов Ницше. Упомянул, что само по себе знаково, das sogenannte «Hauptwerk», так называемый «главный труд» Ницше, в составлении которого Хайдеггер... обнаруживает произвольность выбора и распределения ницшевских фрагментов, взятых из 1884-1888 годов и опубликованных под названием «Воля к власти»» (стр. 449).

144

Что же такого было в 1958 году, что заставляло комментировать то, что говорил Хайдеггер в 1953-м? Особенно, при условии, что уверенный тон вышеприведенного отрывка не только решительно помещает Бланшо на сторону Хайдеггера, но подразумевает, что он находится там уже давно. Мне кажется, что ответ следует искать в причине, из-за которой Бланшо обращается к Хайдеггеру в 1958: спасти Ницше от политики и её истории. А именно, перемещение случая Ницше с помощью истории из политической области в философскую учреждает сообщество *тех, кто знает*, с его собственной историей и, благодаря которому, приоритет времени философии над временем политики, как бы сам по себе внеисторически был помещен в историю в некий решающий момент и получил исторические последствия.

С самого начала это сообщество апеллирует к своей исключительности: «К. Шлехта наделал много шума, публикуя новое издание Ницше и впервые придавая гласности обстоятельства, при которых оно возникло. При этом он не говорил ни-

Майкл ХОЛЛАНД / Michael B. HOLLAND

| Оскорбление мысли / Wound to thought |

чего такого, о чём бы мы смутно не догадывались. Сказанное им, однако, сопровождалось доказательствами, для нас недостаточными (*qui nous manquaient*)» (стр. 136).

Эта очевидная отсылка к некоторому пониманию, что идеи Ницше были сфальсифицированы, понимание со стороны неопределенного сообщества, которое включает Мориса Бланшо (что ясно из «мы»), но, похоже, исключает Карла Шлехту. Изначально, она пытается установить одновременно и исторический приоритет этого знания над строго задокументированными доказательствами Шлехты, и абсолютную независимость от них. В примечании редакции 1958 года дальше следует замечание, где мы видим более твёрдое указание на приоритет этого знания над обычными доказательствами: «Здесь должно быть отмечено, что до публикации Шлехты, читатели Ницше всецело понимали, что эта работа является работой издателя, так как она была составлена на основании записок совершенно различного характера».

Однако, в 1958 году историческое измерение приоритета этого знания остается неопределенным. Несмотря на эту неясность, было бы весьма соблазнительно интерпретировать в статье «Ницше, сегодня» это «до публикации», как продолжение рассуждений о Хайдеггере 1953 года, которое непосредственно предшествует вышеприведённой цитате. Таким образом, знание, обретенное Шлехтой в 1934 году, достаточно приукрашено и его неведение до 1934, видимо, имеет большее значение, чем данные, обнаруженные им в Архиве, так как это знание, однажды полученное, осталось лишь архивным, в качестве некоего документального подтверждения, а во всём остальном – вне полезного действия (так как оно не помешало фальсификации). Однако, согласно примечанию 1969 года, смутное, но исключительное знание, имеющее отношение к этой статье, может быть обнаружено еще раньше, у Хайдеггера в 1936 г. То есть, это почти, но не совсем в тот же период времени, когда Шлехта обрёл свое знание. Из этого очевидно, что Бланшо, настраивая свои мысли о

Ницше через призму хайдеггерианского понимания, совершает нечто большее, чем просто подчищает свой текст и убирает необоснованное замечание. Десять лет после первой редакции этой статьи, основываясь на том, что Хайдеггер написал уже в 1936 году, он понял, что обязан и открыть, и прояснить историческую перспективу вопроса, озвученного в первой редакции «Ницше, сегодня». Хотя он и смещает свою скрытую настороженность относительно *хайдеггерианского* «сегодня», нашедшую выражение в том замечании редакции 1958 года и указывающую, – с тех пор как был поставлен вопрос об искажении философии Ницше – на то, что он и Бланшо уже давно родственные души, что-то продолжает влиять на способность Бланшо принять и определить роль, которую он отводит Хайдеггеру, в его исследовании сегодняшнего Ницше.

Немного ясности в понимание этого постоянного беспокойства добавило примечание 1969 года об омерзительных преступлениях Элизабет. Оно открывает доступ к той исторической перспективе исследования Бланшо, благодаря которой устанавливается приоритет сообщества, к которому принадлежат Хайдеггер и Бланшо, над аргументацией Шлехты. Бланшо в основном тексте пишет, что до 1934 года, когда Шлехта получил доступ в Архив: «Он... вряд ли предвидел, что ждет его». В терминах статьи 1958 года, где знание, которое принадлежит Шлехте, сохраняет свой простой исторический приоритет над каким-либо другим, это движение от неведения к новому знанию, я полагаю, неуместно: знание, которым интересуется Бланшо – это интерес философа, но не историка. Однако, в 1969 году, примечание, о котором я говорю, продолжается так: «Для меня решающим является то, что для тех, кто пережил приход Гитлера к власти, использование имени Ницше относится не к некой гипотетической истории, но составляло часть повседневного политического опыта. Это заметно по газетам. 4 ноября 1933 года некоторые из нас ознакомились через прессу со следующей информацией [далее следует сообщение из

Майкл ХОЛЛАНД / Michael B. HOLLAND

| Оскорбление мысли / Wound to thought |

неназванной газеты о визите Гитлера к Элизабет, в ходе которого она подарила ему трость с вкладной шпагой, которая когда-то принадлежала её брату]. Именно в тот день (2 ноября 1933 года) Гитлер сфотографировался в Веймаре рядом с бюстом Ницше» (стр. 448).

После этого дополнения то, что осталось от *отношения* к Шлехте из статьи 1958 года (отношения окрашенного в стойкую беспримесность Бланшо) преобразовалось в полное разжалование и самого знания, и публикаций: в 1934 году были те (из нас), кто уже знал и «наше» понимание, которое во всех отношениях обладает приоритетом «сегодня», так как оно исходит от «читателей Ницше», в конечном итоге получает также и исторический приоритет.

Однако, важно, что этот расширенный комментарий не доводит точку зрения Хайдеггера до той степени, где она обретает приоритет по отношению к Шлехте. Согласно данной редакции 1969 года, Бланшо и в 1953 г., и в 1936 г. помещает себя и Хайдеггера в одно сообщество знающих (которое исходит и соответствует тому, как его выразил Хайдеггер в своих работах): они принадлежат одному и тому же *мы*. Эта сноска, большей частью основываясь на лекциях о Ницше, декларирует правду о Ницше против тех, кто «через неразумную связь с прошлым» (стр.449) (то есть, тех, для кого не философия, а политика определяет историю), продолжает выступать против публикации критически выдержанного полного собрания сочинений Ницше. Однако, если более раннее примечание разворачивается таким образом, чтобы перенести вопрос исторически назад, даже за тот период, который принадлежит Шлехте – к 1933 году, к тому *мы*, которое всегда исключительно одно, но теперь как «*один из нас*», исключая не только Карла Шлехту (историка), но также и Мартина Хайдеггера (философа). Хотя слова Хайдеггера 1939 года, которые цитирует Бланшо, «должны были звучать ясно и отчетливо, как призыв и предостережение», в ноябре 1933 года на уровне «обыденной политической жизни» Хайдеггер не *подчинялся*, не *поко-*

рялся Гитлеру. Он следовал и действовал вслед за своим майским свидетельством *Rektoratsrede* 1933 года в поддержку Гитлера и, следовательно, расистской идеологии, о чём говорит Бланшо в конце своего длинного примечания 1969 года, с помощью которого он исправляет свою ремарку 1958 года относительно *Hauptwerk* и, которое прямо отсылает к основному Хайдеггеровскому политическому тексту ноября 1933 года под названием «Декларация о поддержке Адольфа Гитлера и национал-социалистического государства».

Несмотря на то, что никакого непосредственного объяснения обнаружено не было, возможно, теперь ясно, почему в 1958 году Бланшо так придирается к термину *Hauptwerk*. Как и большое примечание 1969 года, «Ницше, сегодня» первоначально было местом размещения сложной и зыбкой стратегии, которая заключалась в использовании Хайдеггера для установления исторического приоритета философии над политикой для понимания, что такое есть «Ницше, сегодня», при этом, избегая признания вовлеченности Хайдеггера в политическую историю, значение которой он предпочитал приуменьшать. Можно сказать, что эта придирика 1958 года является неким намёком на напряжение в стратегии Бланшо в тот момент – в год, когда он, определенно, искал пути для того, чтобы оставить прошлое и выйти из двадцатилетнего политического молчания. В 1969 году, с устранением этого замечания и признанием ответственности Хайдеггера, напряжение, похоже, уходит.

Однако вовсе нет. Замечанию 1958 года можно придать устойчивость и с его помощью предоставить условия для разрешения вопроса о философии и политике в истории области знания, относящего к Ницше. Хотя напрямую этого напряжения нет в тексте 1969 года, тем не менее, оно всё-таки там присутствует, оно *всё ещё* иронично отдается эхом во *всё ещё* примечании 1969 года и действует как указатель на то, что, очевидно, является проблемой в редакции 1958 года. Речь идет об умолчании Бланшо о том, что ответственность Хайдеггера установлена в судебном порядке, об

146

Майкл ХОЛЛАНД / Michael B. HOLLAND

| Оскорбление мысли / Wound to thought |

отсутствии каких либо отсылок к политическому прошлому Бланшо, к тому, что составляло для него «ежедневную политическую жизнь» в ноябре 1933 года и, которая была полной противоположностью чтению газет, потому что с этого момента в «Газете дискуссий» (*Journal des débats*), и, самое главное, в «Заслоне» (*Le Rempart*) (с апреля по октябрь) он начал писать экстремистские статьи в ответ на «суд божий», нависший (*subi*) над Францией (одновременно внутри и снаружи) из-за «прихода Гитлера». Можно предположить, что в 1958 году эти публикации были настоящим испытанием для Бланшо, и он стал обращаться к периоду в истории, который, в конечном итоге, будет называть «оскорбление мысли», действительно имевшее место, но относительно его собственной мысли, а не хайдеггеровской. Говорить о «Ницше, сегодня» в 1958 году для Бланшо означает открывать «вчера», которое до этого момента было скрыто им совершенно особой формой молчания: литературного молчания. Очевидно, что «вчера» – это Германия, представленная Шлеглей и Хайдеггером, а разница между Францией и Германией расплывается благодаря зыбкому сообществу философов – читателей Ницше, к которым принадлежат и Хайдеггер, и Бланшо. Однако, даже после этого в данном сообществе остается нечто, что невыразимо и в 1969 году, когда «некоторые из нас», в конечном итоге изгоняют Хайдеггера и, таким образом, разделяют Германию и Францию, что бросается в глаза.

Следовательно, читать исторически «Ницше, сегодня» – значит быть свидетелем того, как автор неохотно обращается к прошлому, которое он изначально взял на рассмотрение в акте письма. В ситуации, которую он никогда полностью не контролировал, Бланшо был вынужден снова извлекать свой собственный «обыденный политический опыт» 1933 года, опыт весьма разнонаправленный, и не только конца этого десятилетия, но разворачивающийся в течении всего десятилетия и лишаящий его того, что определяло его политическую активность: идея подчинения политического времени философскому. Политический опыт (яв-

ляющийся также и экспериментом) от «Манифеста 121» до «Международного обозрения» (*International Review*) мая 1968 года, по существу, провалился. В принципе, это была утопия, о чём Бланшо, похоже, знает, когда пишет во вступлении в «Международном обозрении»: «если это нереально [*utopia*], то мы должны быть готовы провалиться нереально [*utopianly*]». Кроме того, философия рассматривается, в её аисторичной историчности, как способ бытия во времени через язык, дискредитированный исторически. Как он пишет в 1984 году, вновь говоря о политической активности Хайдеггера: «было искажение письма, извращение, пародия и незаконный захват языка. Последний, с тех пор и в будущем, будет под подозрением». К 1969 году с публикацией «Бесконечной беседы», Бланшо, можно сказать, был выставлен на публичное разоблачение: не морально (в глазах других), но по отношению к себе и своей истории. Будущее, к которому он обращается в своем письме к Масколо, наступило и прошло. Настоящее раскрылось, чтобы показать воспоминания о прошлом, реальность которого более не может быть осознана ни политически, ни философски, о чем он в 1986 году говорит в письме под названием «Не забудь» к Саломону Малька: «Хайдеггер сам в своем предсмертном завещании в *Der Spiegel* признает, что с приходом Гитлера он приветствовал грандиозность и величие нового начинания. То, что начинается, для него обладает наивысшей ценностью – это всплеск безусловного возобновления, разрыв, приостанавливающий наши отношения с установленными законами и ценностями, возможно, даже с «богами». И что по сути, верно. Но этот разрыв [*interruption*], который был для Хайдеггера обещанием, выданным Германией, быть наследницей совершенства Греции, быть призванной любой ценой просветить мир, доминируя над ним, для нас был также, и в первую очередь, для евреев и междуцарствием [*interregnum*], где любое право и любая компенсация исчезают, где дружба становится ненадежной, где тишина со стороны духовных авторитетов оставляет нас без уверенности, не только

147

Майкл ХОЛЛАНД / Michael V. HOLLAND

| Оскорбление мысли / Wound to thought |

при приближении угрозы, но в тревоге, что мы не можем должным образом ответить на молчаливый призыв других».

Последние слова, похоже, ближе чем что-либо ещё, написанное Бланшо, подтверждают его ответственность за своё прошлое. Однако, на самом деле, это вовсе не «признание» (ему не в чем признаваться), но скорее напоминание о том, с чем он имел дело в своём письме с 1969 года и чём он

впредь не переставал размышлять: о насилии, как-то история стала, когда события и действия выходят из-под политического и философского контроля и о специфической ответственности всех тех современников подобного излишка, ранящего больше, чем мысль.

Перевод Игоря Короткова

